

Краеведы - самоучки.

(По материалам, поступившим в ЦБК.)

И. С. Абрамов.

На Третьей всероссийской конференции по краеведению много говорилось о краеведении, как могучем средстве вовлечения масс в научную работу. Из докладов краеведов, приехавших „от земли“, выяснилась чрезвычайно интересная картина сотрудничества низовых краеведных организаций с широкими трудовыми массами.

Рабочие и крестьяне, не получившие школьного образования, но отличающиеся природной любознательностью, нашли в краеведении почву для приложения своих непечатых сил. Укажем примеры: Ставропольская биологическая станция пользуется услугами 250 корреспондентов — крестьян-хлеборобов, доставляющих станции всевозможные сведения из области метеорологии и сельского хозяйства.

Ставропольский делегат рассказывал, что крестьяне-корреспонденты снабжают станцию не только корреспонденциями, — они пересылают в письмах образцы вредителей сельского хозяйства, а на письме — обращение к служащим почты:

„Т. почтарь! тут штемпелем не бей: в письме — живой червяк сидит!..“

В газетах недавно сообщалось о сибирском геологе-самоучке М. И. Якунине, получившем пенсию за ценные работы по изучению Байкала.¹ Краевед-самоучка Якунин открыл радиоактивные минералы на берегах Байкала.

Заведывающий музеем Карелии в Петрозаводске В. И. Крылов сообщил пишущему эти строки, что крестьянами из очень отдаленных деревень по собственному почину доставляется в музей немало весьма ценных экспонатов. В том же Петрозаводске мне приходилось наблюдать необычайную посещаемость музея крестьянской массой. Крестьяне, съехавшиеся на летнюю ярмарку в день Петра и Павла, непрерывной вереницей в течение целого дня шли в музей. Это уже подлинное вовлечение трудовых масс в научную работу...

Все чаще и чаще встречающийся тип краеведа-самоучки невольно приковывает к себе наше внимание.

В свое время, пишущий эти строки поместил на страницах „Краеведения“ призыв к деятелям краеведения — присылать в Центральное бюро краеведения био-библиографические данные для проектируемого био-библиографического словаря краеведов.²

На призыв откликнулись не только научные работники-краеведы, но и краеведы-самоучки, скромные технические работники при музеях и др. В данный момент я хочу поделиться некоторыми сведениями о краеведах-самоучках.

Область краеведения, несомненно, привлекает к себе все наиболее талантливые и живые силы на местах. Даровитый человек, хотя и не получивший систематического обра-

¹ См. газету „Вечерняя Москва“, 14 декабря 1927 г.

² См. „О краеведах-самоучках“ — „Краеведение“, № 1 — 2, 1925 г., и „О биографическом словаре русских краеведов“ — „Краеведение“, № 1, 1926 г.

зования, куда бы его ни закинула судьба, пытливо всматривается в окружающее, является знатоком фольклора, всех местных сказаний и преданий, приуроченных к тому или другому району. В нашей провинции, вдали от сутолоки столичной жизни, силою обстоятельств каждый более или менее талантливый человек делается прежде всего краеведом. А иногда на направление деятельности краеведа-самоучки решающее влияние оказывает местный народный учитель, краевед по призванию. Так, например, хорошо известный саратовскому ученому миру краевед-крестьянин Гавриил Заварицков, собравший обширный и весьма интересный материал о своем селе Князевке (Петровского уезда), заинтересовался краеведением под влиянием А. А. Кроткова.¹ По поводу моей заметки: „О краеведах-самоучках“ А. А. Кротков сообщил следующие данные: „Г. К. Заварицков — сын старого николаевского солдата, долго служившего на Кавказе и получившего затем по выходе

Г. К. Заварицков.

в отставку 3-рублевую пенсию. Ни отец его, ни он сам никогда хозяйством не занимались, а были каменщиками, т. е. ходили работать на каменную кладку в город и тем кормились, а зимою шили теплую и меховую одежду — поддевки, полушубки, тулупы. Знакомство мое с Г. К. Заварицковым произошло в 1890 г., когда я занял место учителя Князевской школы. Он был парнем лет 18, но уже женатым. Он один из первых пришел в школу получить у меня „книжечку на прочтение“, затем он был постоянным участником кружка молодежи, сгруппировавшегося в школе для вечерних занятий. Перечитав школьную библиотеку, он принялся за мою личную и перечитал из нее очень многое. Г. К. очень любил петь народные песни. Был он постоянным участником моих экскурсий с учениками в поле, в лес, в то время, когда не уходил на свои каменщицкие работы. Свою местность он знал великолепно, и при его содействии мне удалось составить довольно значительную коллекцию местных почв. Увлекался он одно время ботанизированием и собрал очень хорошую коллекцию местных трав и цветов и даже выучился читать по-латыни, чтобы пользоваться определителем Маевского. Он был прекрасным рассказчиком, пересыпавшим свою речь оригинальными прибаутками. Сейчас у меня имеется несколько тетрадок его

краеведных записей последних лет: поговорки, загадки, духовные стихи; тетрадка — дневник событий 1917 г. — и значительный коллективный труд с другим князевцем, И. А. Успенским, — историческое описание с. Князевки с 1700 г. В бывшей Архивной комиссии имеется также оригинальная работа Г. К. „О бирках в с. Князеве“. К сожалению, все его работы должны лежать втуне, за неимением средств их напечатать. В настоящее время, как он пишет, он занят составлением словаря местных „офенских слов“.

В наших руках имеется обширный и ценный краеведный труд Г. К. Заварицкова, посвященный его родному селу Князевке. С редким прилежанием и тщательностью записывал он все, что так или иначе характеризует быт его родного села, предания, песни, пословицы, загадки, выдающиеся происшествия; он собирает подробные сведения о крепостном праве, о местных разбойниках, колдунах и т. п. Описывает крестьянскую свадьбу и крестьянские похороны; записывает духовные стихи и дает сведения о религиозном быте народа; собирает местные легенды о Стеньке Разине. Одним из первых придаст

¹ А. А. Кротков, видный саратовский краевед, в раннюю пору своей деятельности был народным учителем в с. Князевке, Петровского уезда.

важное значение детскому фольклору, собирает и записывает детские песни, а также игры.¹ В дореволюционное время крестьянин-краевед, собиратель песен и сказок, представлял для окружающих необычную фигуру; приходилось работать под сильным подозрением местной власти в атмосфере вечного испуга. В 1913 г. саратовский (ныне покойный) талантливый краевед С. А. Щеглов сообщил мне, что летом того года Г. Заварицкова вызвал урядник; испугавшись и не разузнав, в чем дело, он поспешил сжечь все свои писанья и собранные книжки. Оказалось, однако, что полиция хотела через него узнать лишь адрес его бывшего учителя, А. А. Кроткова. Отрадно отметить, что князевский краевед-самоучка встречал неизменное участие со стороны саратовских ученых, членов местной архивной комиссии: Кроткова, Щеглова, Соколова и др. С. А. Щеглов переписал и приготовил к печати весь большой труд Заварицкова, посвященный с. Князевке.

Очень любопытные автобиографические записки получены от краеведа-самоучки крестьянина Вологодской г., Устьевельской волости, В. Ф. Кулакова, который, по его словам, работает в любимой им области краеведения тридцать девять лет, „служил в Архангельске в краевом музее, где сделал много моделей из крестьянского быта: деревянных построек, колодцев, парама, избы на перевозе, огорожи вокруг полей и вокруг покосотины, пивоварни со всеми приспособлениями; много моделей ловушек зверей, птиц и рыб; пастуший шалаш в лесу со всеми удобствами — башней и барабаном. „Особенно я наблюдаю,— пишет В. Ф. Кулаков,— за древними домами и церквями и другими старыми постройками. Хочется сделать модель дома, какие бывали в старину, лет за 200,—выполнить в точности, чтобы была модель, а не игрушка, все срубить в круглый угол, с волоковыми окошечками, в середине косячатое окно. Когда хожу, бывало, по деревьям,—вспоминает Кулаков,—то я забываю поестъ-попить, увидя старинные вещи. Я много собрал для Вельского музея, а также для Архангельского“.

Попутно Кулаков собирал по деревьям различные устные народные сказания: так, к своим запискам он прилагает два сказания „О разбойниках по Усе-реке“, записанные со слов двух стариков. Записывает он также народные песни, да и сам не прочь „сочинить стишок“, один из которых прислал нам; называется тот стишок „Труды для музея“. Приведем из него отрывки:

Путь себе пробил трудами,
Сеял в почву семена
Для того, чтоб пользу делать...
Не на то ль и жизнь дана.

Озабоченный делами,
Поработал день и ночь...
Но талантливу, живую
Мысль свою не брошу прочь.

Что порылся в разной ржаве,
В деревушки походил.
Постоянно с мужиками...
Тут же древности купил.

От природы даровитость
В том, что пользу сознаешь.
О старинке что заслышу —
Сотни верст пешком идешь.

Там, где грязи по колено,
Пылью дышишь,— не беда.
Для науки и музея
Что положено труда...

День без хлеба, два без чаю
И без шубы по зиме...
Постарелое пальтишко...
В нем тепла хватало мне.

¹ Труд этот, к сожалению, остается неизданным.

Грош рабочий, пот горячий
Мой на пользу поступил.
Так скажу, что не напрасно
Кулаков ¹ на свете жил...

Дети плакали, бывало,
Упрекала и жена:
„Ну, на что такая рухлядь?“
„Все — седая старина“.

От семейства отрываю,
Сею эти семена,
Как герой, не унываю;
Мысль в моем уме одна:

Отнимаю от семейства.
Правы дети и жена,
Да и сам отлично знаю:
Завлекала старина.

Не на роскошь и убранство
То, что нажил, положил —
На старинные предметы...
В Вельске свой музей открыл.

Как художник ² понимаю...
И в душе археолог.
Со старинными вещами
Свой музей составить мог.

Все насмешки надо мною
Исчезают, яко дым,
Не сержусь, что посмеялись,
Равнодушен к людям злым.

Постарел. Слабели силы,
Да и зренье притупил.
До последней капли крови
Выжимал, — в музей носил.

Не беда, — пускай клеветают.
Все прямым путем идешь.
Так природа одарила:
Старину свой век берешь... ³

Тридцать девять лет трудился,
Сам себя преутомил.
А спроси, что в жизни видел?
Что в награду получил?

Но не для награды работал краевед-самоучка. Работал потому, что „так природа одарила“.

Автор делает такое примечание к своему стихотворению: „Если годеи стихок, то можете напечатать куда-либо в журнал или газету от самоучки В. Кулакова“. Как ни наивен по форме этот „стишок“, но он все же ярко характеризует автора, его преданность собиранию этнографических коллекций, его знание старого быта, его любовь к минувшему. Какие-то искренние нотки есть в его „стишке“.

Какими именно предметами интересуются краеведы-самоучки? Ответом на этот вопрос служат их собственные рукописи, присланные из разных концов в ЦБК. 65-летний крестьянин П. С. Голубев пишет из псковской глуши (Завалишинской вол., дер. Запятаково): „Тов. редактор. Я очень был рад, когда получил вашу книгу „Познание местного края“.⁴ Из этой книги я узнал, о чем я могу вам писать“. Для журнала „Краеведение“ он шлет две заметки: „Памяти погибшего товарища Егора Гужова“ и „О птицах“. За свои труды старик просит выслать ему еще краеведной литературы.

В минувшем году исполнилось пятидесятилетие непрерывных метеорологических наблюдений краеведа-самоучки А. И. Жарова, живущего в с. Итманове, Лукояновского у., Ниже-

¹ Фамилия автора стихотворения.

² Т. е. весь свой век интересуешься стариной.

³ Автор — живописец; работает по росписи иконостасов.

⁴ Дзенс-Литовский А. и Абрамов И. Познание местного края, Л., 1925 г., изд. „Колос“.

городской губ. Когда старик Ж а р о в возбудил ходатайство о персональной пенсии, ЦБК энергично поддержало ходатайство этого „бескорыстного и преданного делу скромного труженика, истинного сына народа, прошедшего 65-летнюю трудовую жизнь, с детских лет горевшего любовью к знанию и изучению природы и местного края и успевшего за 50-летний период собрать немало материала и произвести наблюдения, составившие по отзывам компетентных учреждений, центральных и местных, не малый вклад в науку“.¹

А. И. Ж а р о в пишет в своей автобиографии, что родился в мордовской семье в 1862 г. Отец с малых лет приучал его к портновскому делу. Мальчик все же упрямился и просил отца отдать его в сельскую школу. Дома готовить уроки не приходилось, так как отец сразу же усаживал сына за портновскую работу. В 16 лет мальчик окончил свое образование и вступил в кружок мироведения, организованный местным народным учителем Троицким. Далее он служит конторщиком в имении соседней помещицы; по настоянию отца поступает матросом на волжские суда. Был поваром на пароходе „Муравьев“ и впоследствии помощником командира этого же парохода. Плавая на судах, мечтал о жизни в деревне, о любимых фенологических наблюдениях. Со временем удалось пристроиться в помощники волостного писаря в Итмановской волости, хотя заработка был гораздо меньше, чем на судах. С 1892 г. стал сельскохозяйственным корреспондентом; из-за болезни и старости отца пришлось бросить писарскую должность и заняться сельским хозяйством. Далее судьба заставила его быть помощником десятника, кладовщика и табельщика; во все время своей трудовой жизни он находил отраду в тщательном ведении фенологических наблюдений, доставлял (до 1917 г.) сельскохозяйственные сведения в министерство земледелия и в нижегородскую земскую управу, в которую доставлял также естественно-исторические коллекции, продолжая непрерывно быть местным наблюдателем Главной геофизической обсерватории и корреспондентом Российского гидрологического института. Доставлял нужные сведения также в Казанский университет. Научные занятия не прибыльны. „Приходится думать, — пишет он, — единственно только о куске насущного хлеба и немазаного картофеля; обуваюсь в лыковые лапти своей работы“. Периодически участвовал в различных переписях: промышленных, демографических, сельскохозяйственных и т. д.

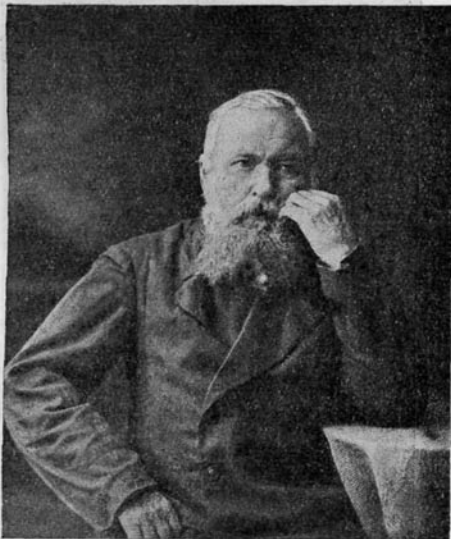
А. И. Ж а р о в.

Периодически состоял в должности члена правления, казначая ЕПО и члена ревизионной комиссии местного кредитного товарищества. Во время отлучек из с. Итманова, фенологические наблюдения, вместо Ж а р о в а, вел его б. учитель, а потом сотоварищ по кружку, С. В. Т р о и ц к и й. Но А. И. Ж а р о в пережил своего учителя и ведет непрерывные фенологические наблюдения лично 25-й год. В настоящее время А. И. Ж а р о в получает персональную пенсию.

¹ Из отзыва ЦБК.

В нашем распоряжении имеется богатая бытовыми подробностями автобиография краеведа-самоучки Ярославского края, И. В. Костоловского-Беляева, родившегося в 1861 г., 12 января, в г. Угличе.

Родившись в бедной семье, И. В. Костоловский не получил систематического образования и обязан исключительно самому себе во всех своих достижениях. Природная любознательность и незаурядная наблюдательность поставили его на краеведный путь. Еще мальчиком он пытливо вглядывался в окружающую жизнь и жадно набирался знаний от тех, кому посчастливилось получить школьное образование. Маленькие события повседневной жизни иной раз определяли его будущую роль краеведа. Однажды барин, с которым он гулял, определил по облакам погоду на завтра. Мальчик необычайно заинтересовывается предсказанием и запоминает его на всю жизнь. Приводим выдержки из его автобиографии.

И. В. Костоловский-Беляев.

„Рождение мое, — пишет он, — было в доме моей бабушки, так как было в то время в обычае: для рождения женщины отправлялись к своей матери; обычай этот держится и до настоящего времени. Отец мой был человек военный, николаевского времени, в унтер-офицерском чине, уроженец Каменец-Подольской губ. Первоначально был женат на обывательнице г. Мологи, где он стоял с войсковой частью. Вскоре овдовел и прибыл с полком в г. Углич. Здесь он вышел в отставку и женился на моей матери, мещанке А. Д. Беляевой. В г. Угличе у них был приобретен домик с городской землей, на Салынской улице. Отца я не помню. Отец пошел на свидание на свою родину и там умер, хотя мать моя и подавала так называемые „явки“, но безрезультатно. Детство мое было очень печальное, которое без слез вспоминать нельзя. Социальное положение нашей семьи было тяжелое. С большим трудом мать доставала средства для нашего пропитания. Летом работала на огородах и держала корову и прислуживала

в людях. В малолетстве у меня сильно болели глаза. Болезнь глаз осталась у меня на всю жизнь. Болезнь глаз я приписываю нечистоте, неопрятности и плохому в младенчестве питанию. На седьмом году меня отдали в учение в школу, в так называемый „магистрат“, находящийся в Кремле, внизу городской думы. Мне тогда шел седьмой год. Первой книгой для меня по учению был букварь, а второй книгой для меня была книга „Друг детей“. На второй год меня перевели в приходское училище, на Ростовской улице, а магистрат совсем закрылся. Здесь я проучился два года. Учителем был Андрей Александрович, человек образованный, старой школы; впоследствии он ослеп. Здесь, в приходском училище, я застал еще телесные наказания и хорошо помню, как наказывали одного мальчика из нашего училища розгами. Бедный мальчик кричал, плакал, а мы остальные ученики высланы были в коридор смотреть, как начнут пороть. Училищный сторож насильно снял с мальчика штанишки и, ущемив головку мальчика между ногами, порол прутьями — и это называлось „учением“. К таким же приемам прибегала и моя мать. Вскоре телесное наказание было отменено, но приемы грубого обращения остались надолго. Ставили на час на колени, столбом, оставляли без обеда и т. п.; драли за уши, ударяли часто линейкой по голове. Издевательства было довольно много. Учился я

тогда плохо, по причине того, что у меня болели сильно глаза, и некому было дома показать из книги и мало-мальски разъяснить заданный урок: мать безграмотная и темная, сестра, хотя и училась у дядька Салынской церкви за 12 рублий в год, но ничему не выучилась. В школу пойду, — и мать ничего в сумку поест не даст, а только скажет: „Ну-у-у, Ванюшка, забеги на Ярославску (улицу) к Русинovu, там тебе дадут хлеба-а-то“. Купцы Русиновы жили на Ярославской улице и подавали в окошечко со двора по ломтю хлеба каждому, кто только приходил и просил хлеба. И вообще учиться мне было тяжело, главное, по болезни глаз. Природа одарила меня хорошим голосом „альтом“, и я во втором классе приходского училища был тогда первым певчим мальчиком. Пению учил нас законоучитель. Пели мы всем классом и только одни молитвы. Благодаря голосу я начал петь в хорах церковных, за что мне платили деньги“. Обладая отличным голосом, мальчик попадает в монастырский хор и, участвуя в крестных ходах, посещает окрестные деревни и усадьбы помещиков, уже начавшие переходить в руки купцов. „Крестьяне здесь были бедны до невозможности. За последнее время я, между прочим, весьма сожалею, что у нас в литературе мало описаны помещичьи усадьбы, можно сказать, совсем не изучены, и они для истории погибли без следа. Как бы это было дорого, если бы они были своевременно исследованы: бытовая жизнь помещика и дворовых. Возникновение и начало усадьбы, их постройки. Сельское хозяйство при усадьбах. Какие знаменитые усадьбы в Моложском уезде, как-то: Мусина-Пушкина, Азанчевских, князя Куракина, Шебеко, Суковниных, Ухтомских и многих других, все эти усадьбы прошли для истории незаметными. Часто помещики привозили крепостных крестьян из других мест, так, напр., начнешь расспрашивать старожилов, выдающихся поговору, и узнаешь, что помещик завез крестьян из другой губернии, и крестьяне эти отличаются от местных во многом по костюму и поговору. В 60-х годах, когда еще было много усадеб, то обыкновенно монахи ночевали у барина. Раз пришлось ночевать в с. Ушакове, Мышкинского у., на границе с Тверской губ.; у барина приготовлена была баня. Вечером ходили мы с барином гулять по усадьбе. Барин был не старый. Гуляя, барин поглядел на небо и говорит: „завтра будет ветер“. Меня эти слова удивили. „Что же, — говорю барину, — как же вы узнаете?“ Барин говорит: „по облакам“. Облака были, как я после узнал, при наблюдении метеорологии А - Си. Это было 17 августа 1878 г. Невозвратное время текло. Уже взгляды на жизнь у меня сложились другие. Начались у меня ошибки и падения, которых мы в молодости не замечаем. Обладая хорошим голосом и знанием нот, я по знакомству поступил в монастырский хор в Петербург — в Сергиеву Пустынь. Монастырский хор был весьма хороший, из одних мужских голосов. Жизнь здесь в Сергиевой пустыни для меня была спокойной, но не было для меня тех памятников седой старины, которую я любил. Прожив семь месяцев, я уехал в Москву, посмотреть на Кремль и на все старое. Из Москвы проехал в Сергиеву Лавру и здесь поступил в монастырский хор, при первом соборе. Здесь я познакомился с весьма хорошими людьми, а особенно с библиотекарями знаменитой библиотеки Лаврской и при Московской духовной академии. Здесь я изучал прошлое нашей России, здесь все дышало седой стариной. Монастырь имел некогда более ста тысяч крестьян. Здесь я был участником торжественных похорон славянофила Ивана Сергеевича Аксакова. Пришел в совершенный возраст, я решил поступить на определенное место, где бы возможно было приносить пользу обществу. Я приехал в Ярославль. Здесь в то время открылся областной археологический съезд, на съезде я был слушателем. Много я здесь для себя извлек полезного. В то же время открылась здесь Ярославская губернская ученая архивная комиссия; это была единственная культурная ячейка того времени. Затем я решил поступить на определенное место и приехал в село Корму, Рыбинского уезда, Ярославской губ. Кругом царило страшное невежество, народная темнота, религиозный обман. Как быть? И здесь же я начал готовиться к экзамену экстерном на звание народного учителя. Экзамен был мне полный, и я его сдал при Ярославской губ.

мужской гимназии, а пробные уроки сдавал при Тверицком начальном училище. Труд для меня был не малый. Помню, как я во время сенокоса: поворачиваешь сено граблями, а потом вынимаешь из кармана грамматику Пущковского и начинаешь учить коренные слова на букву ять. Получив звание учителя, я в учителя не пошел, а занялся сельским хозяйством при с. Корме, постарался влиться в члены-сотрудники Ярославской губ. ученой архивной комиссии, где и состоял с 1898 г. (до ее упразднения) членом-сотрудником. Много я доставил бытового материала в Архивную комиссию. Прошел курс пятилетний домашнего чтения при Московском о-ве технических знаний. Влился в члены Ярославского ест.-истор. о-ва и задаясь мыслью бескорыстно послужить науке и человечеству. Около 25 лет состоял статистиком при Ярославском стат. бюро. С 1897 г. без перерыва веду метеорологические и фенологические наблюдения и исследую фольклор. Состоял сотрудником многих газет, преимущественно прогрессивного характера, за боевые корреспонденции был привлекаем к суду. Этнографический материал мой печатался в журналах „Живая старина“ и „Этнографическое обозрение“. В 1916 г. Русское географическое общество присудило мне почетную награду — серебряную медаль.¹ С 1903 г. состою членом-корреспондентом Главной геофизической обсерватории, состою членом Русского о-ва любителей мироведения. Принимал участие в печатном труде А. С. Ермолова о „пословицах и поговорках“, где и отмечено мое сотрудничество (II том). Получал я, как сотрудник, много газет и книг по сельскому хозяйству. В 1926 г. я избран Ученым советом Государственного гидрологического института членом-корреспондентом. В настоящее время, как и ранее, сотрудничаю в Велико-русском словаре при постоянной словарной комиссии при Академии наук СССР.

„Нельзя пройти молчалием и о том, что я был также захлестнут освободительной волной 1905 г. 27 ноября 1905 г. меня вывели на площадь и под угрозой быть расстрелянному на месте насильственно заставили меня целовать портрет царя Николая. Судили меня в Ярославле, как и других. До самой революции я считался „политически неблагонадежным“. За мной постоянно следили полицейский урядник. Средства к жизни я получал от ведения небольшого сельского хозяйства; скудные средства мне высылали и Главная физическая обсерватория за метеорологические наблюдения. В 1926 г. Центральное бюро краеведения мне исходатайствовало пенсию. Пенсия дарована мне в то самое время, когда она мне была крайне нужна. В настоящее время пять государственных учреждений пользуются моими наблюдениями“.

„Любимыми писателями моими по народному быту были Н. И. Златовратский, Г. И. Успенский, А. И. Левитский, А. П. Чехов и В. Г. Короленко. С последним я вел переписку и получал указания. К сожалению, при обыске у меня зачехлены были письма Короленко. Настольными книгами у меня служат „Этнография“ Тэйлора, „Первобытная культура“ Гельвальда, „История культуры“ Гельвальда, Элизе Реклю „Жизнь земли“, XII томов. Биография Элизе Реклю на меня сильно повлияла. Я страшно ненавижу всякое насилие над человеческой личностью. Много я получаю от друзей писем и запросов, советов. Весьма скорблю за темноту народных масс. Искренно уважаю ученых и великих людей, которые сделали много для человечества. Люблю я милую и дорогую природу, и пред ней я благоговею. Радуюсь душой за то, что за последнее время в нашем крестьянстве сделался сильный сдвиг к лучшему ведению сельского хозяйства“. И. В. Костоловский, знающий хорошо свою местность, радуется распространению грамотности среди народа, но скорбит об истреблении памятников природы, в особенности лесов. „Леса — ведь это „легкие земли“, но я верю, что леса будут бере-

¹ И. В. Костоловским была произведена запись местных народных песен; напевы были им очень удачно положены на ноты. Русское географическое о-во оценило его труд и выдало ему серебряную медаль.

гаться самым строгим порядком. Ведь „цветущее хозяйство — благо родины“. Хорошо поставленное сельское хозяйство, вместе с промышленностью, — счастье народа. Нам история культуры показывает, что еще в древности процветали те государства, где развита была промышленность и хорошо поставлено ведение сельского хозяйства. Заканчиваю свою биографию словами великих людей: „Счастлив, кто мыслию мог все тайны природы постигнуть“ (Виргилий), „Помни, если жизнь твоя жизни не пробудит в вечной смене бытия, — мир тебя забудет“ (Гете).

Не покидая своего основного занятия сельским хозяйством, И. В. Костоловский и попрежнему весь свой досуг посвящает любимым краеведным работам. В одной из последних статей: „О музыкальном исследовании русской народной песни“, присланной им в ЦБК, И. В. Костоловский выступает горячим поборником народных хоров.¹

Среди членов краеведного кружка местечка Воронеж, Черниговской губ., обращает на себя внимание член кружка, краевед-самоучка Д. Е. Макаренко, род. в 1862 г., глубокий знаток местной старины, местных преданий и народных рассказов. Д. Е. Макаренко, будучи сам неграмотным, тем не менее тщательно собирает печатные и устные материалы о м. Воронеже; нужные сведения записывает ему в тетрадь его сын, портной. Таких материалов он уже собрал немало. Доклады его в Воронежском краеведном кружке вызывают большой интерес. По семейным преданиям, предок Макаренко, Демьян, пришел с Волыни. Прадед был пасечник (пчеловод). Однажды от пожара сгорели его двор и пасека в саду. Брат его отца, Родион, отличался физической силой, носил, напр., на ниву мешки по 8 пудов весом, но он умер 23 лет. Все в роде Макаренко любили рассказы и сказки.

„Пошлет меня бывало батько на ночлеги, — вспоминает Макаренко, — вот мы посядем вокруг огня и начнем сказки рассказывать; незаметно пройдет ночь, глянешь, уже и солнце высоко поднялось, а мы все сидим да рассказываем, и домой не хочется ехать. А дома батьки ждут не дождутся.“

Краеведением Макаренко занимался с молодых лет, а записи стал вести лет с 50. Из своих наставников он вспоминает Охрима Бондаренка, который был неграмотен, но обладал замечательным даром рассказывать; вспоминает еще старую бабу Ревиху, которая рассказывала, „из какого кто роду и про разную старовину“. Такие люди, как Макаренко, являются живой историей местного края, носителями местного фольклора, местных сказаний и преданий, нередко связанных с разными урочищами.

Д. Е. Макаренко.

¹ „Народные хоры, — пишет он, — должны иметь широкое распространение. Русские народные песни должны стоять на первом месте в наших крестьянских хорах. В городах уже открылось много народных хоров, но в деревни они проникают весьма слабо. А между тем в деревню проникают песни так называемого „каскадного“ и „иронического характера“, которым не должно быть места в народно-деревенских хорах“. Пропаганда народно-деревенских хоров весьма своевременна и должна встретить горячий отклик среди краеведов.

Из Сибири поступают в ЦБК материалы от краеведа, сельского хозяина, И. Мирнова, родившегося в 1903 г. в с. Ново-Шипуновом, Покровской волости, Змеиногорского у., Томской губ. ¹ Учился сперва в сельской школе, где полюбил книги, сделавшиеся его лучшими друзьями.

Летние каникулы проводил на Алтае, в селе Онгузай, у родственников. Там уходил на охоту или на рыбную ловлю с другими ребятами или же со старшими, настоящими охотниками. „Много увлекательных рассказов, — пишет И. Мирнов, — которые я по настоящее время помню, слышал я от охотников; эти рассказы повлияли на меня... Я взял у зятя, без спроса, его самую лучшую лошадь, только что приведенную из тайги, охотничье ружье, и без денег и припасов ускакал в тайгу, где провел целую неделю. Только при помощи охотника Сапыркея (алтайца) был найден и приведен домой. Эта неделя врезалась мне в память“.

Краеведением стал интересоваться в школе II ступени, под влиянием преподавателя краеведа А. В. Анохина, устраивавшего экскурсии по Алтаю, в которых И. Мирнов всегда принимал участие, записывал алтайские легенды, охотничьи рассказы, собирал коллекции камней, составлял гербарии, изготовлял чучела и т. п.

Вел дневник с четырнадцати лет, но утерял его во время гражданской войны.

В настоящем очерке мы рассказали далеко не обо всех краеведах-самоучках, работающих в настоящее время над познанием своего края; мы использовали только тот материал, который имеется в портфеле нашей редакции.

Будем надеяться, что этот материал значительно пополнится с течением времени усилиями краеведов, работников на местах, стоящих лицом к лицу с народом. Мы уверены, что многим краеведам известны еще более яркие примеры краеведной самодеятельности. Будем ждать от них сообщений. ²

Примечание. По поводу моей заметки о краеведах-самоучках, помещенной в № 7 „Известий ЦБК“, я получил ряд писем и запросов от краеведов с мест, повидимому, весьма заинтересовавшихся означенной темой. „Имеются ли в виду лица, — спрашивает псковский корреспондент, — не получившие систематического школьного образования и занимавшиеся краеведной работой, или вообще все лица, занимавшиеся краеведением, но бывшие в своих занятиях самоучками и шедшие, так сказать, ощупью? Как хронологически велик охват лиц, которые имеются в виду вашей заметкой?“

„Если считать самоучками всех тех краеведов, — пишет другой корреспондент, из Ростова на Дону, — которые занимаются научной работой по краю, не получив соответствующей подготовки в тех школах, где они учились, то тогда всех краеведов (или почти всех) придется отнести к разряду самоучек, так как до сих пор ни одна школа не давала краеведной подготовки“. Горячо интересуясь биографиями всех вообще деятелей краеведения, я для первого раза наметил биографии современных краеведов-самоучек, не получивших систематического и законченного школьного образования. Вместе с тем, ЦБК с особым вниманием относится к автобиографическим записям всех современных деятелей краеведения, а также к сообщениям о краеведах прошлого времени, так как жизнь и научная деятельность самих краеведов есть факт первостепенной важности, входящий в ту же область краеведения.

¹ Им присланы: „Песня старика-алтайца (Ойрота)“, сказки, приметы, ворожба, заговоры, гадание по снам, записи песен, частушек и др.

² Просим присылать вместе с биографиями также фотографические карточки краеведов.